

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА УЧИТЕЛЯ В СТАЛИНСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1945–1953 ГГ.

.....

А.В. Чашухин*

В оценках советского государства периода позднего сталинизма (1945–1953 гг.) принято отмечать иррациональность презентации официальной идеологии. Можно говорить о сложившейся традиции рассмотрения сталинской идеологии и культуры в таких категориях как миф и моностилизм [5; 6]. Важное место в сталинской пропаганде занимали образы профессий, транслируемых посредством художественных приемов. Понимание профессии как призвания и составной части аскезы было характерно не только для формирующегося буржуазного этоса [3], но и для советской идеологии периода «развитого сталинизма». Можно по-разному трактовать это сходство: как синкретизм, свойственный мифологическому мышлению [8, с. 164–168], или как следствие гибридности институтов и символов советской действительности [1]. Лётчик и военный, свинарка и пастух, шахтёр и сталевар, наконец, учитель (точнее, учительница) как герои художественных фильмов и литературных произведений стали выполнять функцию конструирования профессиональных образов. Соответствующие канонам соцреализма, эти образы, тем не менее, имели определенные отличия, связанные с профессией. Рассмотрим конструирование профессионального образа школьного учителя эпохи «развитого сталинизма».

Сталинская картина мира, представленная в пропагандистских образах имела ряд характеристик. Эту картину отличала иерархичность, проявлявшаяся как в способах презентации господствующего мировоззрения, так и в иерархии образов, транслируемых через официальные каналы информации [2]. Вертикаль сталинского мифа подчинялась одному критерию: степени приближенности к власти. Красная площадь и Спасская башня стояли выше Большого театра в иерархии образов, политический вес размещенных материалов в газетах четко соответствовал номеру полосы [5, с. 194–216; 7]. Иерархичность картины мира официальной

* Чашухин Александр Валерьевич — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета. Электронная почта: culture@pstu.ru

идеологии дополнялась неподвижностью. Если революционная утопия 1920 – начала 1930-х гг. была обращена в будущее, то сталинская идеология рубежа 1940-50-х гг. подчеркивала, что это будущее уже наступило. Циклически повторяемые официальные праздники, напоминая героические события прошлого не противоречили этому. Прошлое в период позднего сталинизма выполняло функцию легитимации настоящего и не имело самодостаточности. Символика плакатов, кинофильмов и радиотрансляций преследовали общую цель: демонстрацию завершенности времени. Единение вождя и народа – сила, которая преодолела тяготы войны, способна повернуть реки вспять и победить засуху. Ни одна напасть отныне не может быть непреодолимой. Способы трансляции сталинского мифа были различны: торжественный голос Левитана из репродуктора, передовицы советских газет, плакаты, кинофильмы. Художественный стиль, получивший обозначение соцреализм¹, не был принадлежностью только искусства. В известной мере он распространялся и на язык науки и журналистики. В этой связи распространенность художественного способа репрезентации идеологии ставила в исключительное положение представителей творческой интеллигенции, чьи функции были во многом тождественны функциям средневековых иконописцев, выражающих в рамках канона коллективное, санкционированное властью представление о действительности.

Советская система информационных коммуникаций оперировала при этом стандартными конструктами. А.Г. Ионин отмечает канонизацию форм культурных репрезентаций [5, с. 198]. В связи с этим изучение идеологического конструкта учителя того времени существенно упрощается, поскольку канон подразумевает ограниченную вариативность конструктов, и репрезентативным может оказаться ограниченный круг источников.

В качестве основного источника для изучения конструкта мы взяли кинофильм «Сельская учительница» 1948 г. режиссера М. Донского. Действие киноленты начинается при старом режиме. Молодая девушка, получившая образование попадает по доброй воле в далекую деревню. Ее стремление нести пользу народу наталкивается на сопротивление чуждых классов и темного необразованного крестьянства. Она не сдается, с достоинством преодолевает различные трудности: религиозность и мракобесие, хамство купечества и агрессию кулачества. Учительница воспитывает сельских детей, делает из них ученых, военных, стахановцев и литераторов. Одна из финальных сцен киноленты – школьный бал, на который приходят полные признательности по отношению к уже орденосной учительнице состоявшиеся, успешные взрослые выпускники. Какими чертами обладает этот профессиональный конструкт, выраженный художественными средствами? Начнем с того, что образ школьного педагога трансисторичен. Действие фильма начинается при старом режиме, а заканчивается послевоенным временем. Этапы

¹ Термин *соцреализм* здесь понимается в значении, которое придавал этому термину А. Сивянский [9, с. 101–139].

биографии учительницы синхронны и созвучны основным историческим событиям: революция, ликвидация безграмотности, коллективизация, война. Педагог не остается безучастным по отношению к ним. Ее муж – революционер, она осуществляет партийную политику в деревне – борется с неграмотностью, а потом – с кулаками. Примечательно, что основные черты характера персонажа – преданность делу, бескорыстие, самоотверженность не формируются в процессе, они уже заданы в начале киноленты. Внешние трудности не изменяют героиню, а помогают проявиться ее лучшим качествам. Она добровольно, получив образование, едет в глухую сибирскую деревню, добровольно преодолевает все тяготы чуждой социальной среды. Здесь мы имеем дело с образом, сформировавшимся еще до революции. Речь идет об образе русского интеллигента, наделенного народническими чертами. Напомним, что образ земского врача или учителя имел в основе просветительские черты, проявлявшиеся в идее служения народу. «Представления об интеллигенции как независимой социально-этической группе, возникшее в определенном историческом контексте как следствие конкретных субъективных нужд разночинской публики, постепенно сложились в некий канонический образ этой группы, который зажил своей жизнью, отрешенной от запросов и нужд повседневной реальности. Иными словами, образ интеллигенции стал ее мифом» [4, с. 3, 75]. Важной характеристикой мифологического сознания является синкретизм [8, с. 64–168]. Сталинский миф здесь не был исключением. Элементы патриотической традиции российской империи могли соседствовать с коммунистической идеологией. В этой картине могли уживаться вместе Петр Первый и Ленин, Иван Грозный и Сталин, А. Суворов и В. Чапаев. Подобный же синкретизм можно обнаружить в образе школьного учителя. В этом конструкте можно обнаружить гибрид двух традиций. Во-первых, учитель – это представитель советской интеллигенции, а значит – уполномоченное партией и правительством лицо, наделенное идеологической властью. Во-вторых, – это русский интеллигент, а значит, имеет право на старорежимное прошлое. Отношение к интеллигенции со стороны официальной идеологии было особым. В отличие от остальных социальных групп, интеллигенция была той средой, которая была непосредственно связана с революционным движением.

Важной составляющей конструирования педагога является гендер. В сталинском кинематографе сложилось несколько типажей женщин: ткачиха и колхозница, астроном и певица. Обратим внимание на то, что обычно героини М. Ладыниной и Л. Орловой конкурируют с мужчинами². В нашем случае этого не происходит. Профессия учительницы является в фильме абсолютно женской, точнее – материнской. Кратковременное появление ее супруга – революционера, позже убитого, преодолевает противоречие материнства и отсутствия семьи, избавляет конструкт от сексуальной привлекательности. Ее семья – учащиеся, ее дом – школа.

² Имеются ввиду такие кинофильмы, как «Светлый путь», «Волга-Волга», «Весна», «Кубанские казаки», «Веселые ребята».

Личная жизнь растворена в работе. Символическое материнство может оказаться сильнее реальных родственных связей. Сын кулака (очередная редакция Павлика Морозова), предупреждает учительницу о готовящемся на нее покушении. Можно предположить, что сочетание образа русского интеллигента и советского учителя было успешно совершено на основе изменения гендерности образа. Феминизация в большей степени насыщала конструкт чувственными характеристиками. За счет материнских черт снижалась критичность восприятия образа.

Таким образом, конструирование профессионального образа школьного учителя представляло синкретизм образов советского и русского интеллигентов. Старорежимный образ выполнял функцию легитимации по отношению к советскому на основании общего революционного прошлого. Основные черты дореволюционного интеллигентского мифа (мессианская идея, просвещение, аскетизм, бескорыстие) получили новую интерпретацию в сталинской картине мира. Указанные черты отныне теряли автономию от власти и встраивались в государственную идеологию. Представляется возможным допустить, что изменение гендерной составляющей конструкта способствовало лучшему синкретическому сочетанию двух обозначенных образов.

Библиографический список

1. Ахиезер А.С. Специфика исторического пути России // http://www.libertarium.ru/libertarium/l_lib_ahies3
2. Боронников А.Д., Лейбович О.Л. Голубой экран как могильщик социализма (к вопросу о деструктивном воздействии аудиовизуальных коммуникаций на социалистическое мироустройство) // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы VI Всероссийской научной конф., посвященной 80-летию со дня рождения проф. З.И. Файнбурга. Пермь, 2002.
3. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
4. Змеев М.В. Самоидентификация русской интеллигенции конца XIX – начала XX веков: роль, образ, миф // Миф и рациональность в XX веке: Материалы XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов « Майские чтения» (15 мая 2002 г.) Пермь, 2002.
5. Ионин А.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
6. Лейбович О.Л. Кимерлинг А.С. Письмо товарищу Сталину. Политический мир Михаила Данилкина: исторический очерк. Пермь, 1998.
7. Лейбович О.Л. Магия слов в советской культуре // Русский язык в контексте современной культуры. Тезисы докладов международной конференции. Екатеринбург, 1998.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1995.
9. Синявский А. (Абрам Терц) Что такое социалистический реализм // Путешествие на Черную речку. М., 2002.